

СИРИЙСКАЯ ВОЙНА 2014–2019: ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Осколова Татьяна Леонидовна,

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И.Прошлякова,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Тюмень, Россия,
ORCID: 0000-0002-5794-3101,
E-mail: oskolova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.01.2020, принята к публикации 16.03.2020

Для цитирования: Осколова Т. Л. Сирийская война 2014–2019: дискурс англоязычных СМИ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 1 (38). С. 126–139. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10109

Аннотация

В статье рассматривается подача новостей о военном конфликте в Сирии в англоязычных электронных СМИ за период 2014–2019 гг. Объектом исследования послужила виртуальная коммуникация на тему войны на электронных порталах BBC news, CNN news, Washington Post.

Автор преследует цель изучить стратегии и приемы формирования и распространения образов общественного сознания и воздействия на массовую аудиторию англоязычными электронными СМИ.

Вслед за Т. ван Дейком дискурс трактуется через текстовые составляющие – заголовки и основные единицы, объединенные лексической, грамматической, логической и стилистической связями, и внетекстовые – прагматические, социокультурные, исторические факторы, событийный контекст и предшествующие события. Военный медийный дискурс представлен как гибрид военно-профессионального и массово-информационного видов институционального дискурса.

В свете социокогнитивного подхода исследуются составляющие военного медийного дискурса: композиция, аргументативность, достоверность, детализация, стереотипизация и другие стратегии и приемы выстраивания военного медийного дискурса.

© Осколова Т. Л., 2020

Анализ базируется на следующих макроструктурах дискурса: топик/топики, значения дискурса, пропозиции, пресуппозиции, когеренция, или связность дискурса.

На материале новостных обзоров объемом 5000 слов автор доказывает связь медийного содержания дискурса (структуры и когерентности всех элементов дискурса, стилистических приемов, невербального оформления) с политическим и социальным контекстом событий.

Выявлены стратегии диффамации, персонификации, деперсонификации, натурализации, используемые в военном медийном дискурсе.

Ключевые слова:

военный дискурс, медийный дискурс, дискурс-анализ, манипуляция, диффамация, персонификация, когеренция дискурса, CNN, новости BBC.

UDC 81.42

DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10109

SYRIAN WAR 2014–2019: ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Oskolova Tatyana Leonidovna,

Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A.I.Proshlyakova,
PhD (Edu), Associate Professor of Foreign Languages Department,
Tyumen, Russia,
ORCID: 0000-0002-5794-3101,
E-mail: oskolova@gmail.com

Article received on January 30, 2020, accepted on March 16, 2020

To cite this article: Oskolova, T.L. (2020). Sirijskaya vojna 2014-2019: diskurs angloyazychnyh SMI [Syrian war 2014-2019: English media discourse]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 1(38), 126-139. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10109

Abstract

The article discusses the news of the military conflict in Syria in the English-language electronic media resources for the period 2014-2016. The object of the study is virtual communication on the topic of war at the electronic platforms of BBC news, CNN news, Washington Post.

The author aims to analyze the strategies and techniques for the development and distribution of images of public consciousness and the impact of the English electronic media on the mass audience.

According to T. van Dijk, discourse is interpreted through textual components – the heading and global units, combined by lexical, grammatical, logical and stylistic connections and non-textual – pragmatic, sociocultural, historical factors, event context and previous events. Military media discourse is presented as a hybrid of military-professional and mass-information types of institutional discourse.

The components of military media discourse are analyzed through the lenses of socio-cognitive methodology: composition, argumentativeness, reliability, details, stereotypes and other strategies and techniques used to develop military media discourse.

The analysis is based on the following macrostructures of discourse: topic / topics, values of discourse, proposition, presupposition, coherence, or discourse integrity.

Based on 5000-word news articles, the author proves the connection between the media content of the discourse (structure and coherence of all elements of the discourse, stylistic techniques, non-verbal design) with the political and social context of events.

The study revealed strategies of defamation, personification, depersonification and naturalization used in military media discourse.

Keywords:

military discourse, media discourse, discourse analysis, manipulation, defamation, personification, coherence of discourse, CNN, BBC News.

Введение

Обзор происходящих в мире военных событий международными СМИ в открытом масс-медийном интернет-пространстве служит особым средством формирования общественного мнения и воздействия на глобальную аудиторию в силу доступности и всеохватности информационной сети. В условиях геополитической борьбы за власть, ведения странами военных действий, наличия вооруженных конфликтов позиция СМИ может оказать критическое действие на взаимодействие людей и их сознание.

Явление психологических и информационных войн, разворачивающихся на новостных порталах интернет-ресурсов, принимается как данность, представление событиями СМИ носит зачастую перформативный характер, когда «эффект от действий, производимых высказываниями (словами), ничем не отличается от эффекта реальных событий» (Dijk, 2008, p. 10–13). Поскольку отражение и трансляция милитаристского опыта СМИ охватывает массовую аудиторию, военный язык, проникая из профессионально-военной и политической сфер жизнедеятельности в информационно-новостную и общественно-бытийную сферы, затрагивает вопрос взаимного влияния человеческого познания, опыта как практической основы познания и среды, в которой существует человек.

Изучение порождения и распространения военного дискурса, способного оказывать влияние на массовую международную аудиторию, обоснованно вызывает исследовательский интерес и представляет собой перспективную область для изучения.

Результаты исследования

Традиционно военный дискурс включает в себя высказывания на тему вооруженных конфликтов и проведения боевых операций из уст профессиональных военных или политиков (Карасик, 2002, с. 481). Однако сегодня данный вид дискурса вышел за рамки своего профессионального поля благодаря активному участию СМИ в освещении происходящих событий. Принято считать, что новости о военных событиях являются наиболее оперативным, лаконичным и точным способом подачи информации. Однако жанр новостных обзоров, по сути – аналитических статей о происходящем за определённые периоды времени, нацелен не только на информирование аудитории, но и обладает эмотивной и регулятивной функциями.

Обзоры военных событий приобретают все элементы медийной композиции: игру шрифтов, фотографии с эмоциональными подписями, сложные графики и диаграммы, элементы интерактивных Google-карт.

Полагаем, что дискурс о войне, излагаемый в СМИ репортерами и медийными аналитиками, представляет собой самостоятельный жанр институционального дискурса с низкой степенью ригидности, относительно нежесткой структурой, в которой, однако, присутствуют обязательные повторяющиеся элементы.

В качестве матрицы переменных дискурса в целях практического анализа придерживаемся классификации переменных дискурса, разработанной М.Л. Макаровым. В нее входит «анализ рода или жанра общения (естественный, вымышленный, инсценированный); пространственно-временные отношения участников общения; состав участников разговора; степень официальности разговора (от непринужденного и фамильярного до полуофициального и официального); социальные отношения собеседников (асимметричные в нашем случае – по возрасту, полу, статусу, отношениям к разным социальным институтам, уровню компетенции); направленности коммуникативных действий в разговоре (информативности, перформативности, эмотивности); степень знакомства собеседников (от категории «близкие люди» до категории «незнакомцы»); степень подготовленности коммуникантов (в случае военного медийного дискурса сложность для восприятия может вызвать наличие профессиональных терминов или армейских сокращений, названий военных организаций, аббревиатур, неизвестных обывателю); степень фиксированности темы и отношение общения к практической деятельности» (Макаров, 2003, с. 200–205).

Методология проведения анализа военного медийного дискурса

Соглашаясь с Е.В. Кубряковой (см. Кубрякова, 1996, с. 11) в том, что языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только на перекрестке когниции и коммуникации, полагаем, что процесс воздействия информации, транслируемой СМИ, требует анализа как непосредственно медийных текстов (в электронном или печатном виде), так и всех сопровождающих их экстралингвистических факторов.

К экстралингвистическим факторам, входящим в дискурс-анализ, европейские лингвисты причисляют исторический и социальный бэкграунд рассматриваемого фрагмента событий. Так, исследование дискурса фашизма неотделимо от исследования самого явления фашизма в историческом и современном контекстах. Анализ дискурса футбольных хроник будет неполным без погружения в тему «фабрики футбола» – истории клуба, событий вокруг описываемых матчей, социально-культурной ситуации фанатов данных клубов, и даже политической ситуации в текущий период времени (Wodak, 1999, p. 481–483).

Наряду с традиционными военными темами в СМИ возросло внимание к освещению темы гуманитаризации военного поля и нарушению гуманитарного права: тема беженцев, переселенцев, малых этносов, страдающих в результате военных конфликтов. Эта проблематика определяет применение социокогнитивного подхода к дискурс-анализу, основоположником которого является Т. ван Дейк (Dijk, 1983, 2008). Суть данного подхода – в учете множественной совокупности экстралингвистических факторов, выходящих за рамки исследуемого фрагмента дискурса. Несмотря на то что единой стандартной схемы дискурс-анализа не существует, ван Дейк выделяет базовые глобальные структуры дискурса, которые служат основой анализа для данного исследования. К ним относятся: топики, значения дискурса, пресуппозиции, когеренции. Общая тема (главный топик) дискурса складывается из суммы макропропозиций (заголовка и вводного предложения или нескольких предложений) и их соответствия каждому из выделяемых подтопиков (абзацев). Анализ когерентности дискурса проводится на уровне текста и уровне отдельных абзацев, заголовка и заключения. Выявление нарушения когерентности дискурса может свидетельствовать о скрытой манипуляции сознанием реципиента и о наличии в тексте скрытых намерений автора.

Существенно значимым остается анализ макроструктуры текста военного дискурса – размещения ключевых элементов структуры сообщения (заголовка, иллюстрации, непосредственно текста, подписи к иллюстрации), использования визуальных средств привлечения внимания читателя (возможности применения различных шрифтов, цветные выделения, средства анимации в электронных СМИ), анализ повторяемости визуальных элементов одними и теми же источниками (Макаров, 2003, с. 191–196).

Экстралингвистические факторы дискурса, такие как макетирование, размер и цвет шрифта, оформление заголовков, различные выделения, расположение текстовых блоков на странице, разрыв статьи на несколько страниц, видеоряд, иллюстрации, фотографии, графики, карты, карикатуры – присущи военному медийному дискурсу и в совокупности с лингвистическими средствами подчинены единой цели. Анализ на текстуальном уровне включает в себя структурный, лексико-семантический, риторический, стилистический и графический подвиды анализа.

Полагаем, что возможность сочетания различных современных лингвистических подходов к анализу фрагментов дискурса – историко-социального с включением исторического и социального бэкграунда, с опорой на базовый социокогнитивный подход, позволяет изучить и описать различные стратегии, технологии, алгоритмы, приемы и методы создания и трансляции новостного

военного дискурса международными СМИ в связи новостного контента с политическим, социальным и историческим контекстом.

Практический анализ медийных композиций

В целях исследования были отобраны полнотекстовые обзорные аналитические статьи, посвященные началу и развитию войны в Сирии в период с 2014 по 2019 годы. Данные тексты взяты из англоязычных электронных медиа, находящихся в открытом доступе в глобальной сети Интернет.

Исследование проводилось согласно общенаучному принципу «от общего к частному», учитывалось расположение статьи, ее структура, общая характеристика новостного портала, сведения об авторе или организации, инициирующей дискурс, техническое качество исполнения. Подготовительный этап для критического анализа дискурса включал в себя детальный языковой анализ текста каждой статьи. Основной этап анализа представляет собой обобщающее комплексное исследование военного медийного дискурса на примере четырех статей выборки общим объемом 5000 слов.

Структура и композиция военного медийного дискурса

Дискурс-композиции, принадлежащие источнику BBC News, имеют приблизительно одинаковый объем и схожую структуру. Композиция под названием «Syria: The story of the conflict» опубликована 11 марта 2016 года, состоит из 1520 слов, 6 фотографий, трех репрезентаций геополитических и географических карт местности и одного графика (см. Syria: the story of the conflict, 2016). Композиция «Why is there a war in Syria?» опубликована 25 февраля 2019 года, включает в себя 1375 слов, 7 фотографий, два фрагмента интерактивной карты с видом местности сверху, один фрагмент геополитической карты, 7 графиков и диаграмм (см. Why is there a war in Syria? 2019).

Структура аналитических обзоров типична: имеют место небольшие главы (chapters), каждая со своим подзаголовком, фотографией с поясняющей подписью и необходимыми ссылками. Примеры подзаголовков одной из композиций: 1. Uprising turns violent (1. Восстание становится жестоким); 2. Decent into civil war (2. Переход в гражданскую войну); 3. War crimes (3. Военные преступления); 4. Chemical weapons (4. Химическое оружие); 5. Humanitarian crisis (5. Гуманитарный кризис); 6. Rebels and the rise of the jihadists (6. Мятежники и восстание джихадистов); 7. Peace efforts (7. Мирные усилия); 8. Прохуwar... (8. Война чужими руками) (см. Syria: the story of the conflict, 2016).

Количество подзаголовков у типичной композиции варьируется незначительно – от 7 до 8. У композиции более раннего периода (2014–2016 гг.) все подзаголовки представлены утвердительными предложениями; материал позднего периода Сирийской войны (2016–2019 гг.) оформлен риторическими вопросами. Утвердительные предложения констатируют факты, в то время как прием риторического вопроса создает эффект прямого обращения к реципиенту, как бы спрашивая читателя о причинах и следствиях войны, кто в ней виноват и когда она закончится. Подзаголовки выполняют информативную и регулятив-

ную функции, называя и выстраивая события в линейную последовательность таким образом, что у реципиента складывается понимание об их возникновении и развитии:

Uprising – civil war – war crimes – rise of the jihadists – prohuwar (восстание – гражданская война – военные преступления – восстание маджахедов – война чужими руками). Подзаголовок «Война чужими руками» несет провокационный контекст.

Композиционно-стилистической особенностью военного медийного дискурса является то, что отдельные абзацы, или главы (chapters), выражающие отдельные события, выстраиваются в дискурсивную последовательность, объединенную темпоральными и причинно-следственными связями: 1) Militants from Syria overran a Lebanese border town; 2) Islamic extremists from Syria raised fears; 3) Majority of the fighters had withdrawn; 4) People were fighting for the bread; 5) 42 wounded people evacuated; 6) Militants from Syria overran Aarsal; 7) 17 soldiers have been killed; 8) Twelve more soldiers are still missing; 9) 38 people had been killed by Wednesday; 10) Militants from the Islamic State group overran one of the last remaining army bases; 11) The militants seized the Brigad 93; 12) dozens of Syrian soldiers were killed; 13) A video showed heavily armed men with thick beards; 14) The Islamic State group, an al-Qaida break away, has seized wide swaths of Syria and Iraq.

Преобладание глаголов движения в каждом абзаце передает динамику развития военного конфликта, подготавливая реципиента к кульминативной точке. Ожидание начинается с первого абзаца, в котором говорится «The seizure of Aarsal... marked the first time that Islamic extremists... carried out a large-scale incursion into Lebanon... raised fears of a further spillover of the conflict [Захват Арсала... первый случай, когда исламские экстремисты... осуществили широко-масштабное вторжение в Ливан... и вызвали страх дальнейшего распространения конфликта]» (Why is there a war in Syria? 2019).

Апексом статьи является последний абзац, в котором говорится «The Islamic State group, an al-Qaida break away, has seized wide swaths of Syria and Iraq, where it is imposing an ultraconservative version of Muslim law, including killing people seen as apostates, and beheading and crucifying rivals [Группировка «Исламское государство»¹, отколовшаяся от «Аль-Каиды»², захватила широкие массивы Сирии и Ирака, где она навязывает ультраконсервативную версию мусульманского закона, в том числе убивает людей, которых считают отступниками, и обезглавливает и распинает соперников]. Первый и последний абзацы статьи замыкают всю композицию данного дискурса в «кольцо страха», используя при этом такие слова как «захват», «страх», «убийство людей», «пытки», «обезглавливание», «убийство детей».

Специфическая структура деления статьи на параграфы, абзацы, «chapters», каждый со своим содержанием, позволяет отобрать и подать факты и события за довольно длительный период времени таким образом, чтобы сформировать определенную версию событий и подвести к определенным выводам.

¹ Запрещена в России.

² Запрещена в России.

Стилистика военного медийного дискурса

Стиль медийных композиций отличается простотой: преобладают простые предложения и выражения общеупотребительного регистра языка: «Fighting reached the capital Damascus and second city of Aleppo in 2012 [Боевые действия достигли столицы Дамаска и второго города Алеппо в 2012 году]», «The conflict is now more than just a battle between those for or against Mr. Assad [Конфликт теперь больше, чем просто битва между теми, кто за или против мистера Асада]» (Why is there a war in Syria? 2019).

Однако имеются и сложные синтаксические структуры, и официальные обороты речи: «The UN Security Council has called for the implementation of the 2012 Geneva Communique, which envisages a transitional governing body with full executive powers “formed on the basis of mutual consent” [Совет Безопасности ООН призвал к выполнению Женевского коммюнике 2012 года, предусматривающего переходный руководящий орган с полными исполнительными полномочиями, «сформированными на основе взаимного согласия»]» (Why is there a war in Syria? 2019).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что военный медийный дискурс нацелен на широкую аудиторию и различные социальные группы реципиентов с различным образовательным уровнем.

Авторская позиция и лицо автора

Одна из исследуемых композиций написана международным журналистом Суад Мехеннет (Mekhennet, 2014) женщиной турецкого происхождения, чьи аналитические материалы на темы военных конфликтов, национальной безопасности и проблемы терроризма публикуют такие авторитетные международные издания, как Нью-Йорк Таймс, Геральд Трибьюн и NPR (Национальное Общественное Радио, крупнейшая некоммерческая организация, которая собирает и распространяет новости с 797 радиостанций США). Статья опубликована в Washington Post, заявляющей о своих демократических принципах освещения событий. Дата публикации – 18 августа 2014 года, соответствует периоду начала сирийской войны.

Медийная композиция открывается фотографией автора и информацией о нем, что, на наш взгляд, является манифестацией открытой и независимой позиции автора и издания.

Действительно, авторская позиция явно выражена: автор критикует представителей американской власти, высокопоставленных чиновников, бессильных повлиять на ситуацию распространения Исламского государства на Востоке, критикует американский подход к внешней политике: «The problem is that it is completely unreliable – and often far worse than other strategies; this approach backfires; most glaring and famous failure was in Afghanistan».

Отметим, что в данной дискурс-композиции успешно достигнуты аналитическая, информативная, эмотивная цели. Благодаря авторской подаче материала дискурс звучит как честная информация о событиях, негодование действиями США, обвинение высших прозападных элит, боль за судьбы обычных граждан, втянутых в идеологию Исламского государства.

Когеренция

Необходимо отметить высокую степень когеренции дискурса в исследуемых материалах. Ключевой элемент всей композиции статьи – заголовок, представляющий собой риторический вопрос «The terrorists are fighting us now? We just finished training them [Террористы воюют с нами? Мы только что закончили их подготовку]», ответ на который «No, the enemy of our enemy is not our friend [Нет, враг моего врага не мой друг]», приводится непосредственно перед началом статьи и одновременно выполняет несколько функций. Информирова о выраженном неприятии терроризма в любом ключе, риторический вопрос и ответ заявляют об осуждении и обвинении автором тех сил, кто сотрудничает с террористами. Кроме того, такой явно выраженный открытый протест вносит сильный эмоциональный накал и настраивает аудиторию на соответствующий тон статьи.

На семантико-лексическом уровне текст объединен лексемами геополитики, военных реалий, конкретных событий, предшествовавших войне в Сирии: «radical groups, used the vacuum of the Arab Spring, to fight for “democracy” in Libya and Syria, a jihadist agenda, joined al Nusra [радикальные группы, использовавшие вакуум «арабской весны», чтобы бороться за «демократию» в Ливии и Сирии по джихадистской программе, присоединились к аль-Нусра³]».

Высокая когеренция дискурса достигается использованием ключевых фраз, обобщающих сказанное: «Every year there are more cases in which this approach backfires / Washington and its allies empowered groups whose members had either begun with anti-American or anti-Western views or found themselves lured to those ideas in the process of fighting / Yet instead of learning from its mistakes, the United States keeps making them / thank you, Mr. President [С каждым годом появляется все больше случаев, когда такой подход приводит к обратным последствиям; Вашингтон и его союзники наделили полномочиями группы, члены которых либо начинали с антиамериканских или антизападных взглядов, либо оказывались привлеченными к этим идеям в процессе войны; тем не менее, вместо того чтобы учиться на своих ошибках, Соединенные Штаты продолжают их совершать; спасибо, господин президент]».

Аргументативность дискурса

Аргументативность материалов СМИ достигается за счет использования цитат и ссылок на такие авторитетные источники информации, как генерал Ливанской армии (Lebanon's army chief), Генерал Жан Кахваджи (Gen. Jean Kahwaji), Шейх Хуссам аль-Гали из Ассоциации мусульманских священнослужителей (Sheikh Hussam al-Ghali of the Association of Muslim Clerics), Сотрудник Красного Креста Абдулла Зогейб (Red Cross official Abdullah Zogheib).

Цитирование авторитетных источников повышает аргументативность представленной информации и компетентность мнения редакции в глазах читателей. При этом используются ссылки на неопределенного официального представите-

³ Запрещена в России.

ля: «A senior Lebanese security official said that... [Как сказал высокопоставленный сотрудник ливанской службы безопасности...]» (Syrian Islamist rebels ..., 2014).

В этом случае истинность или ложность утверждения, цитируемого изданием, не может быть подтверждена или проверена, однако она приводится в последовательном ряду цитирований с точным указанием источника, подкрепленных прямой речью, и, скорее всего, будет воспринята как еще один убедительный аргумент в материале авторитетного издания.

Усилению аргументативности служит использование **невербальных элементов дискурса** – графиков, диаграмм, интерактивных фрагментов Google-карт местности, выполненных на высоком техническом уровне.

Фотография вооруженных людей восточной внешности в военной полевой форме, идущих по всей ширине городской улицы с черными флагами и полотнищами с надписями на арабском, поясняет заголовок и сопровождается подписью «Fighters from Al Nusra Front, the al-Qaida group in the Levant, near Damascus. Their banner says, “We fight in Syria... and our eyes are on Jerusalem” [Бойцы фронта Аль-Нусра, группировки «Аль-Каида» в Леванте, недалеко от Дамаска. Их знамя гласит: «Мы сражаемся в Сирии... и наши глаза смотрят на Иерусалим»].»

Стратегии и приемы военного медийного дискурса

Наряду с высокой доказательностью, аргументативностью и когеренцией дискурса, в прессе можно обнаружить применение манипулятивных стратегий и приемов, таких как *уравнивание всех сторон конфликта, при котором подразумевается и равное право на использование военной силы, или легитимизация использования военной силы*. Подраздел статьи от 2016 г. «Descent into Civil war» (Переход к гражданской войне) перечисляет силы, присутствующие в регионе как равнозначные, игнорируя при этом значимость миротворческой миссии России: «Regime control, Rebel control, Hezbollah presence, Islamic State control, Kurdish, IS / Rebel contested / Russian control [Контроль режима, контроль повстанцев, присутствие Хезболла, контроль Исламского государства, курды, ИГИЛ⁴ / повстанцы / присутствие России]» (Syria: the story of the conflict, 2016).

На графике, сопровождающем текст, районы контроля территории Российскими войсками выделены черным цветом, что приводит к негативному восприятию информации, связанной с российскими войсками.

В подразделе «Rebels and the rise of jihad» лишь 2 абзаца из 4-х коррелируют с заявленным подзаголовком. Последние два абзаца противопоставляют действия американских и российских сил, описывая действия американских сил как нацеленные на уничтожение исключительно ИГИЛ: «In September 2014, a US-led coalition launched air strikes inside Syria in an effort to “degrade and ultimately destroy” IS. But the coalition has avoided attacks that might benefit Mr. Assad’s forces [В сентябре 2014 года возглавляемая США коалиция нанесла воздушные удары по Сирии, пытаясь «разложить и в конечном итоге уничтожить» ИГИЛ. Но коалиция избежала нападений, которые могли бы принести пользу г-ну Асаду]» (Syria: the story of the conflict, 2016).

⁴ Запрещена в России.

Российские войска обвиняются в гибели повстанцев и гражданских лиц под прикрытием борьбы с «террористами»: «Russia began an air campaign targeting “terrorists” in Syria a year later, but opposition activists say its strikes have mostly killed Western-backed rebels and civilians [Россия начала воздушную кампанию, направленную против «террористов» в Сирии год спустя, но активисты оппозиции говорят, что ее удары в основном убили поддерживаемых Западом повстанцев и мирных жителей]» (Syria: the story of the conflict, 2016).

Таким образом, выявленное нарушение когеренции дискурса между подзаголовком и текстом (уровень топики и пропозиции) позволяет обнаружить включение информации, порочащей одну из сторон-участников военных событий, или применение стратегии диффамации противника.

Стратегия персонификации

В медийном материале приводится история простого человека по имени Абу Салех, родом из города, близкого к Бенгази, который как и группа других ливийцев проходил обучение и получал поддержку в своей стране от французских, британских и американских военнослужащих и разведчиков, и впоследствии присоединился к Фронту Аль-Нусра. Мы наблюдаем здесь переход от уровня международных или национальных структур к уровню конкретного человека, такого же, как все, молодого и работоспособного – «28-year-old», жизнь которого навсегда изменили события, инициируемые американскими силами: «He had been injured during a battle with the Syrian Army, he said, and was brought to Turkey with false documents [По его словам, он был ранен во время сражения с сирийской армией и доставлен в Турцию с поддельными документами]» (см. Mekhennet, 2014). Уместная в данном случае персонификация дискурса приводит к высокоэмоциональному воздействию на реципиентов. Аудитория словно встречается лицом к лицу с человеком, обреченным на возможную скорую смерть и самому готовым нести смерть и разрушение: «First I fought under what people call the “Free Syrian Army” but then switched to Al Nusra. And I have already decided I will join the Islamic State when my wounds are healed [Сначала я сражался под тем, что люди называют «Свободной сирийской армией», но затем перешел в Аль-Нусра. И я уже решил, что присоединюсь к Исламскому государству, когда мои раны заживут]» (Mekhennet, 2014).

Обвинение в адрес США звучит рефреном на персональном уровне: «Sometimes I joke around and say that I am a fighter made by America [Иногда я шушу и говорю, что я боец, сделанный Америкой]» (Mekhennet, 2014).

Прием натурализма

Дискурс-композиции включают фотографии раненых, предположительно погибших, плачущих мирных жителей, пожилых людей, детей, детей у родителей на руках и младенцев, что не может не вызвать эмоции сопереживания, негодования, печали у аудитории.

Фотография военных вооруженных людей неопределенной принадлежности без знаков отличия используется в тексте одного из материалов с подзаго-

ловком «Who`s involved?» («Кто замешан?»), где российские войска обвиняются в гибели гражданских лиц (Why is there a war in Syria? 2019).

Достоверность и убедительность

Обращает на себя внимание использование данных о потерях убитыми и ранеными, которые очень важны в военном дискурсе.

– «At least 17 soldiers have been killed in the clashes, while 10 are still missing, along with an unknown number of policemen [По меньшей мере 17 солдат были убиты в столкновениях, в то время как 10 пропали без вести вместе с неизвестным количеством полицейских];

– The fighting trapped tens of thousands of Lebanese civilians and Syrian refugees in Aarsal... some 20 ambulances of the Lebanese Red Cross rushed into the town to evacuate 34 wounded people [В результате боевых действий в Аарсале погибли десятки тысяч ливанских гражданских лиц и сирийских беженцев... около 20 машин скорой помощи Ливанского Красного Креста ворвались в город, чтобы эвакуировать 34 раненых];

– A field hospital in Aarsal said 38 people had been killed in the fighting by Wednesday [По информации полевого госпиталя в Аарсале, в среду в ходе боев погибли 38 человек] » (Syrian Islamist rebels ..., 2014).

Такие потери военных и гражданских лиц за три дня нельзя назвать незначительными. Эти данные говорят о начале серьезной войны и обосновывают легитимность возможного стороннего вмешательства в конфликт с использованием вооруженных сил.

Заключение

Военный медийный дискурс о войне в Сирии нацелен на отражение сложных военно-политических реалий и взаимоотношений участников и наблюдателей военного конфликта. Применение социокогнитивного подхода позволило выявить, помимо информативной и аналитической функций, присутствие перформативной и манипулятивной функций.

Степень объективности военного медийного дискурса различается в зависимости не только от новостного портала, но и от личности автора материала или организации, которую он представляет.

Стиль медийных композиций отличается простотой: преобладают простые предложения и выражения общеупотребительного регистра языка, однако имеются и сложные синтаксические структуры, и официальные обороты речи, что обеспечивает доступность материала для людей разного уровня образования и социального статуса, и в то же время несет эстетический элемент.

Обзорная аналитическая медийная композиция представляет собой последовательное изложение событий, для которого характерна высокая степень когерентности, достигаемая благодаря тщательному выстраиванию дискурсов-композиции и отбору вербальных и невербальных языковых средств.

Нарушение когерентности – в большинстве случаев показатель наличия встроенных манипулятивных стратегий и приемов в композиции дискурса.

Таким образом, обобщая результаты исследования, можно сказать, что англоязычный военный медийный дискурс охватывает многомиллионную глобальную аудиторию интернет-пользователей, для которых он служит основным источником знаний о военных событиях в мире. При этом, будучи выполненным на высоком техническом уровне с включением мультимедийных и интерактивных средств, он убедителен, обладает значительным потенциалом воздействия на международную аудиторию, следовательно, нуждается в критическом анализе своего содержания.

Список литературы

1. Карасик, В.И. (2002). *Язык социального статуса*. М.: Гнозис.
2. Кубрякова, Е.С. (1999). *Номинативный аспект речевой деятельности*. М.: Наука.
3. Макаров, М.Л. (2003). *Основы теории дискурса*. М.: ИТДГК «Гнозис».
4. Dijk, Teun A. van. (1983). *Kintsch Walter Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
5. Dijk, Teun A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge University Press.
6. Mekhennet, Souad. (2014, August 18) *The terrorists are fighting us now? We just finished training them*. Retrieved January 1, 2020, from <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2014/08/18/the-terrorists-fighting-us-now-we-just-finished-training-them/>
7. *Syria: the story of the conflict*. (2016, March 11). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26116868>
8. *Syrian Islamist rebels 'withdraw from Lebanese town after truce'*. (2014, August, 7). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-28693530>
9. *Why is there a war in Syria?* (2019, February 25). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229>
10. Wodak, R. (1999). Critical discourse analysis at the end of the 20th century. *Research on language and social interaction*, 32(1), 185–194.

References

1. Dijk, Teun A. van. (1983). *Kintsch Walter Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.
2. Dijk, Teun A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge University Press.
3. Karasik, V.I. (2002). *Yazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow: Gnozis.
4. Kubryakova, E. S. (1996). *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. Moscow: Nauka.
5. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Discourse Theory] Moscow: ITDGK «Gnozis».

6. Mekhennet, Souad. (2014, August 18) *The terrorists are fighting us now? We just finished training them*. Retrieved January 1, 2020, from <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2014/08/18/the-terrorists-fighting-us-now-we-just-finished-training-them/>
7. *Syria: the story of the conflict*. (2016, March 11). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-26116868>
8. *Syrian Islamist rebels 'withdraw from Lebanese town after truce'*. (2014, August, 7). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-28693530>
9. *Why is there a war in Syria?* (2019, February 25). Retrieved January 1, 2020, from <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35806229>
10. Wodak, R. (1999). Critical discourse analysis at the end of the 20th century. *Research on language and social interaction*, 32(1), 185–194.